

Елена Тебнёва

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Елена Тебнёва

Будущее - дело темное

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2016
 ARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Т11

Серия основана в 2011 году
Выпуск 236

Художник
Е. Никольская

Тебнёва Е. Г.

Т11 Будущее — дело темное: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2319-4

Меня зовут Сандера Далларен. Вот уже второй год я грызу гранит науки в Шрэтонском чародейском университете имени Риллиса Гиленна. И сдастся мне, останусь без зубов, прежде чем доберусь до последнего курса. Да, я самая бездарная провидица на всем факультете, несмотря на то что мой род издревле славится сильными предсказателями. Славился. До меня. У каждого рода есть свой позор. И вроде бы все не так страшно, но... Я — единственный ребенок в семье. И, как оказалось, несмываемое пятно на семейной же репутации. Только вот говорят, что несмываемых пятен не бывает. И когда, вооружившись этой нехитрой истиной, за благое дело пятновыведения взялась моя матушка...

В общем, предсказать получившийся результат не смог бы даже достославный Риллис Гилен, что уж говорить обо мне, самой бездарной провидице на факультете.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Тебнёва Е. Г., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2319-4

*Моим родным и друзьям с благодарностью
за понимание и поддержку*

ГЛАВА 1

Юноша, лежавший на холодном полу безлюдного коридора, был безнадежно мертв.

Некогда яркие карие глаза подернулись белесой дымкой и незряче смотрели прямо на ослепительно-белый шар, освещающий усеянный красными брызгами мрамор.

Я неверяще переводила взгляд с него на тяжелую статуэтку богини плодородия, которую так и не выпустила из рук, — пальцы словно одеревенели и не желали разгибаться.

Могла ли я, представительница одного из древнейших родов Шрэтонской империи, предположить, что стану, пусть и случайно, убийцей?

В общем-то... да. Если бы не пренебрегала занятиями и как следует выполняла домашние задания, что со мной, к прискорбию, случалось крайне редко и не тогда, когда это действительно нужно.

— Какого свилла¹ здесь творится?!

Голос, спугнувший сонную послеобеденную тишину, прозвучал подобно грому. Первым моим побуждением было втянуть голову в плечи, вторым — провалиться сквозь землю. Да так глубоко, чтобы даже через месяц никто откопать не сумел. Только вот беда — прятаться от некроманта под землей бесполезно. Без подручных инструментов в два счета достанет... Так что я благоразумно разжала пальцы и, даже не дрогнув, когда проклятая статуэтка приложилась о мою обутую в легкие туфельки ногу, обернулась. Смерила

¹ Свилл — мелкий кровожадный бес. — *Здесь и далее примеч. авт.*

мэтра Вилгоша затравленным взглядом, по достоинству оценила явленную мне откормленную филейную часть леди Удачи и сделала единственное, что полагается в такой ситуации девушке из приличной семьи, — лишилась чувств.

И только ощутив под щекой что-то липкое, неприятно пахнущее железом, я поняла, что Удача не просто отвернулась от меня, но еще и дверью перед самым носом хлопнула, малость его не прищемив.

Странная все-таки штука — время. По сути, мы живем лишь одним мгновением. Настоящее столь мимолетно, столь эфемерно... Всего один удар сердца — и вот оно становится прошлым, которое уже никто не в силах вернуть или изменить, но которое всегда определяет наше будущее.

Этот день, безусловно самый ужасный за все мои восемнадцать лет жизни, был предопределен еще в момент моего появления в стенах Чародейского университета имени Риллиса Гилена. Вернее сказать, в тот самый недобрый миг, как я столкнулась с кареглазой брюнетистой мечтой большинства студенток — Риннаром Шариденом. Возможно, это тоже было чем-то обусловлено, не знаю, но, так или иначе, наши отношения, мягко говоря, не сложились сразу и все-рвез.

Мой обожаемый папа с детства учил меня, что если кто-то тянет руки туда, где им не место, то не грех эти самые руки оторвать. По самую... хм, поясницу. Мама, однажды случайно услышавшая эти наставления, закатила дражайшему супругу полноценный скандал. Она надеялась вырастить из меня настоящую леди, достойную своей фамилии, а настоящая леди ни в коем случае не должна драться, огрызаться и использовать лексикон уличных хулиганов. Папа тогда покорно согласился со всеми обвинениями и доводами, добился прощения и... продолжил гнуть свою линию, правда, теперь уже в строжайшей тайне от супруги.

— Быть леди, Санька, конечно, хорошо, — часто говорил он после очередного жизненно важного наставления, не входящего в мамины планы. — Но только если с леди нахо-

дится тот, кто сможет ее защитить. В иных случаях быть леди — плохо.

И подмигивал с самым залихватским видом, а я, окрыленная новыми знаниями, через открытое окно удирала на улицу — отрабатывать приобретенные навыки на порицаемых маменькой «хулиганах», то есть обычных дворовых мальчишках, и пополнять словарный запас неприличествующими леди выражениями.

Славное было время. Жаль, уже не вернуть — прошлое осталось в прошлом.

А в моем настоящем все было далеко не столь радужно.

Так вот, Риннар... Риннар Шариден распустил свои руки и весьма болезненно по ним получил. Так болезненно, что целый день провалялся в лечебнице. Может, звучит не так страшно, но лорд Шариден учился на третьем курсе боевого факультета и мнил себя — не без оснований, надо признать, — одним из лучших.

И вот этого великолепного лорда-зазнайку спустила с лестницы какая-то мелкая первокурсница. На глазах у доброй половины студентов...

Так что я вполне понимала, почему Риннара на мне переключило. Но смириться с этим не желала. В итоге первый год учебы превратился для меня в персональный Ранос¹. Не менее раза в месяц я рыдала в уголке своей комнаты, не обращая ни малейшего внимания на попытки моей соседки прекратить локальный потоп. Чуть реже слезоразлив происходил в кабинете нашего куратора, мэтрессы Ноллин, к которой меня отводила все та же отчаявшаяся соседка. К слову, Риннара я так и не сдала. Гордость, чтоб ее. И желание самостоятельно поквитаться с наглецом.

И я таки поквиталась. Перед итоговым практическим экзаменом по профильному предмету подлила ему в чай одно интересное зелье, выменянное у алхимиков за пару красивых безделушек. Ах, какой же был эффект! Вышедший на спарринг Риннар и не догадывался, что после первого же заклипания противника будет рыдать как девчонка, обвинять

¹ Р а н о с — аналог ада.

в неоправданной жестокости преподавателя, комиссию и весь мир и клясться уйти в монастырь замаливать грехи, свои и чужие. Только боги знают, какое я тогда получила удовольствие! Стоя за тонкой перегородкой, куда провела меня сочувствующая моим мытарствам однокурсница Риннара, приникнув к дающему неплохой обзор зазору меж досками, я чувствовала себя счастливой и полностью отомщенной. Университет я покидала в самом радужном настроении и за два месяца каникул благополучно позабыла о существовании лорда Шаридена.

Вот только сам он забывать обо мне не спешил.

И теперь я сидела в ректорской приемной, нервно закусив ремешок сумки, и ждала приговора.

Отчисление — самое малое, что мне грозило. Род Шариденов — не самый последний в Шрэтонской империи. А я... я убила не просто его представителя. Наследника.

Еще сильнее сжав зубы на кожаном ремешке, я тихонечко заскулила от жалости к самой себе.

А ведь говорила мне мама: «Занимайся усерднее, Санни! Будущее — дело темное, но у тебя есть волшебный фонарик. Учись зажигать его. Учись, Санни, учись!»

Угу, как же. Санни и учеба оказались совершенно несовместимы... И теперь у Санни, скорее всего, вообще не будет никакого будущего!

Как наяву, причем без всякого транса, вижу помост на Королевской площади, мрачного плечистого дядьку с огромным топором и собственную неразумную рыжую головушку, катящуюся по темным от крови доскам...

Прикосновение к плечу совпало с моментом приземления моей головы под ноги восторженных зевак. Взвизгнув, я подскочила и на чистых рефлексах ударила склонившегося надо мной черноволосого мужчину в солнечное сплетение.

— Леди... Далларен!.. — простонал он, замысловато согнувшись.

— Лорд ректор! — в священном ужасе выдохнула я, шархнувшись к выходу из приемной.

Удача за закрытой дверью мерзко захихикала...

Элрой Вилорен. Лорд ректор. И по совместительству — кузен императора Огуста Второго.

Нет, голову мне не отрубят. Как минимум четвертуют!

— Даже не думайте, леди, — насмешливо прозвучало над моим ухом именно тогда, когда я решила-таки в очередной раз уйти от всех проблем в обморок. — Повторяться некрасиво.

Я обреченно сглотнула и вымученно улыбнулась наконец-то разогнувшемуся ректору. Лорд Вилорен отзеркалил мою гримасу и кивнул на распахнутую дверь своего кабинета, приглашая проследовать внутрь. Я бы попятилась... Но за спиной нерушимой скалой стоял преподаватель некромантии. Мэтр Гереон Вилгош и в лучшие дни не отличался добрым нравом, а уж сейчас... Честно, мне на него даже взгляд поднять было страшно. После того как он нес меня, якобы бесчувственную, в лечебницу... И, как понимаю, мой обман раскрыли еще там, в коридоре. Некромантов вообще в вопросах жизни и смерти провести трудно; удивительно, почему он меня прямо там не растолкал и не заставил идти в ректорат собственными ножками?

Да потому, чтобы сейчас кривить губы в ехидной усмешке, взирая на мои пунцовые от стыда щеки!

— Леди Далларен! — напомнил о своем существовании ректор.

Пришлось идти, куда меня столь настойчиво приглашали. За спиной послышались мягкие шаги. Значит, разговор с лордом Вилореном будет не приватным. Не знаю, хорошо ли это... И при чем здесь некромант, ведь Риннар Шариден — боевой чародей!

Был им...

Глубоко вдохнув в попытке сдержать судорожный всхлип, я перешагнула порог. Подсознательно ожидала увидеть в ректорском кабинете декана боевого факультета, но ошиблась.

Да, вот такая из меня провидица. Подсказки подсознания — и те распознать не в силах.

Может, и к лучшему, что так вышло. Маменька ведь после ознакомления с итогами первого учебного года в по-

стель на неделю слегла и успокоительные настои литрами пила...

Я — будущий позор семьи. Уж это-то последнему неучу понятно. Род Далларенов, славящийся сильными предсказателями. Дар, передаваемый через поколение. Дед, чьи заслуги помнят до сих пор...

И я.

Лучше голову потерять. Тогда никто не узнает, что внучка Тигора Далларена, придворного чародея, была самой настоящей бездарью.

В кабинете царил успокаивающий полумрак — сквозь плотные шторы солнце пробивалось едва-едва, словно уже наступил глубокий вечер, а прикрученные к стенам золотистые сферы сияли мягким, не режущим глаза светом. Не скрою, раньше мне было любопытно, как выглядит святая святых университета, но сейчас я, не оглядываясь, прошла к массивному столу и, присев на краешек простого деревянного стула, перевела взгляд на сцепленные руки.

Ректор опустил в кресло по другую сторону стола, задумчиво побарабанил пальцами по столешнице. Мэтр Вилгош остановился за моей спиной, и это немало нервировало.

— Что случилось, Сандера? — спросил наконец лорд Вилорен, закончив отбивать тревожный ритм и прищулив синие глаза.

Не к месту подумалось, что они с мэтром Вилгошем немного похожи. Тембром голоса, темными волосами, тонкими чертами лица... Только вот глаза у некроманта карие. И слишком уж насмешливые.

Страшно...

Я вздохнула, собираясь с духом, и выложила все как есть. Все, что касается последней встречи с Риннараром, по-прежнему ни словом не обмолвившись об особенностях наших взаимоотношений.

Рассказ оказался коротким. Да и о чем там рассказывать? Как я шла, никого не трогала, статуэтку эту злосчастную с занятий по изящным искусствам несла... Вот как реагирует любой нормальный человек, если в полутемном коридоре его обхватят со спины и зловеще прошипят в самое

ухо: «Попалась!»? А если у этого нормального человека в руках будет что-то тяжелое?

У меня в таких ситуациях само собой включается папино воспитание: «Бей, Санька, а потом разбирайся». Мамин вариант: «Сначала подумай, а потом сделай» — почти никогда не срабатывает... Что уж говорить о методе Эреи Ноллин, нашей наставницы: «Проснулся утром — сделай милость, посмотри, что тебе судьба уготовила».

Вспомнив о мэтрессе Ноллин, я окончательно загрустила. Не получилось оправдать ее доверие. Зря она меня весь первый курс вытягивала. Выходит, я не только свой род позорю, но и наставницу.

Но ничего, недолго уже осталось...

— Что теперь со мной будет? — тихо спросила я, не поднимая глаз.

— Неправильный вопрос, — с нескрываемым удовольствием протянул мэтр Вилгош. Он обогнул мой стул и, ничуть не стесняясь присутствия начальства, присел на краешек стола. — Что будет с Риннаром Шариденем, когда декан Росслин узнает о неспособности лучшего своего студента отразить элементарную атаку...

— Гереон, — едва заметно поморщился ректор.

Некромант поджал упорно расплывающиеся в усмешке губы и поднял ладонь в знак молчания, а до меня вдруг дошло...

— С Ринном?.. — заторможенно переспросила я, не в силах осознать услышанное. — Что может быть с Ринном, если он...

— ...валяется в бессознательном состоянии, словно вареный овощ, в лечебнице, — не удержавшись, под строгим взором лорда Вилорена перебил мэтр Вилгош.

— Он жив? — задала, безусловно, очень умный вопрос я.

— При таком отношении к жизни — ненадолго, — усмехнулся некромант, а я почувствовала, что по щекам бегут слезы; они дрожали на подбородке, тяжелыми каплями падали на колени, оставляя на светлом шелке платья некрасивые темные разводы.

Кап. Кап.

Кап...

— Леди Далларен! — встревоженно воскликнул ректор. — Сандера!..

— Санни!

Кому принадлежало последнее воззвание, я не поняла, потому что по-настоящему, как и положено истинной леди, провалилась в вязкий туман небытия.

Ну хоть чем-то матушка была бы довольна...

Дважды за день побывать в лечебнице — это нужно уметь. И, как оказалось, умением этим я владела в совершенстве. Снова выпив предложенный пожилой лекаркой укрепляющий отвар, я откинулась на подушку и устала в белый потолок. Первый в жизни оборок мне абсолютно не понравился; значит, нужно приложить все усилия, чтобы подобное впредь не повторилось. А из этого следовало, что мне не стоит более пересекаться с Риннаром Шариденем. Университет большой, расписания провидцев и боевых чародеев не совпадают, так что при должном старании и некоторой доле везения задача вполне решаема.

Никто и никогда не приносил мне столько неприятностей, как Риннар. Никто и никогда не доставал меня так, как он. Творец свидетель, я не желала таких отношений; жаль только, что одного моего нежелания было слишком мало для того, чтобы меня наконец-то оставили в покое.

Прикусив кончик одеяла, я тихонько застонала. Не нужно обладать даром предвидения, чтобы понять: о покое после сегодняшнего я могу и не мечтать. Если даже свой полет с лестницы Риннар не в состоянии простить мне больше года, то что уж говорить о покушении на его драгоценную жизнь? И я могу сколько угодно клясться, что все вышло случайно и, если уж совсем начистоту, не без его вины, но это ничего — совершенно ничего! — не изменит. У Шаридена много связей... Ох, свилл его побери, да какие еще связи — он и без них устроит мне такую жизнь, что я предпочту самостоятельно выброситься из окна, лишь бы это наконец-то закончилось! Единственной альтернативой виделось срочное бегство из университета. Туда, где ни Риннар,

ни все семейство Шариденов вместе взятое не сможет до меня добраться. Домой. К отцу, который всегда поймет и никогда не осудит. К маме, которая до конца моей жизни будет припоминать мне этот позор, так что в результате я двести раз пожалею, что не осталась в университете, невзирая на неблагоприятные последствия.

Даже не знаю, что хуже.

Лежать в тихой полутемной комнате и в самых мрачных красках представлять скорое будущее оказалось на диво страшно, и я решилась прояснить все наверняка. Да, я не самая усердная студентка, да, я не особо люблю то, чем занимаюсь, но... даже моих весьма посредственных умений должно хватить, чтобы рассмотреть хотя бы несколько ближайших дней!

Хрустальные шары, заполненные мистическим туманом, серебряные сосуды с ароматным дымом, настойки на мухоморах и прочие вспомогательные приспособления и стимуляторы дара мэтресса Ноллин не признавала принципиально. Шары она забрала по той простой причине, что серебристый туман показывал не столько будущее, сколько желания того, кто в него вглядывался. Поговаривали, что, засмотревшись на воплощение мечты, можно даже не вернуться. Так и останется одно тело, способное дышать, есть и спать, а душа вечно будет блуждать в созданных туманом грезах. Доказать ничего не смогли, но с тех пор, как несколько провидцев не вернулись в реальный мир, в нашем университете использование хрустальных шаров запретили. Про дым и мухоморы и говорить не стоит — слишком легко привыкнуть и навсегда стать их рабом. А то и вовсе отравиться, не рассчитав дозы.

«У вас есть дар, и этого более чем достаточно», — не уставала повторять наставница. Тот факт, что в моем случае дара явно недостаточно, она упрямо игнорировала. Мэтресса Ноллин, в отличие от меня, все еще наивно надеялась, что в один прекрасный момент я возьмусь за ум, и уж тогда-то мой дар расцветет. Но пока что во мне цвели лишь комплексы и полная уверенность в собственной бесталанности. От позорного исключения спасало лишь то, что я худо-бедно

справлялась со стандартной программой и, пусть и с горем пополам, но все-таки сдавала экзамены.

Надеюсь, и сейчас что-нибудь да получится. Я уселась на постели скрестив ноги, положила ладони на колени и, прикрыв глаза, постаралась отрешиться от всех мыслей. Самое сложное, ибо чего-чего, а ненужных мыслей в моей голове хватало с избытком, и при малейшей опасности они шустро разбегались в разные стороны, не давая себя ухватить. Мэтресса Ноллин придумала выход: нужно было представить огромный веник, выметающий беглянок прочь. И все бы хорошо, но, избавившись от мыслей, я не могла отделаться от веника... Зачастую получалось так, что мои одноклассники, выполнив задание, с чистой совестью покидали аудиторию, а я все еще сидела, сражаясь с танцующим в моей голове веником и водящими вокруг него хороводы букашками-мыслями. Конечно, регулярные тренировки исправили ситуацию... Чуть-чуть. Теперь сражение с веником заканчивалось не за тридцать минут, а всего за три, причем всегда увенчиваясь моей победой. Этот раз исключением не стал, и перед внутренним взором предстала беззвездная ночь, в которой вспышками расцветали нечеткие картинки. В этом заключалась еще одна беда — все мои видения были смазанными, неясными, словно их показывали через толстое мутное стекло. Силясь рассмотреть их, я нередко обзаводилась сильнейшей головной болью и носовым кровотечением. Вот и сейчас, разглядывая подернутую белесой пеленой картинку, я чувствовала сжимающую виски боль, но все равно продолжала цепляться за размытый образ, нестойкий, изменчивый, перетекающий во что-то другое...

Приглушенный свет фонаря и пляшущий снег, подбиваемый кнутом метели; бредущая сквозь нее сторбленная фигура — нелепое черное пятно на белом фоне. Алая роза в чьей-то руке. Алые же лепестки на заснеженной земле.

Лепестки — или все же кровь?

Потянувшись к последней картинке, я едва не задохнулась от прострелившей затылок боли, и в ее вспышке увидела Риннара — бледного, измученного, в окровавленной одежде. А потом меня выкинуло в реальность, и изгнанные

накануне мысли ворвались в сжигаемую мигренью голову, мстя за неучливое обращение.

Сквозь незанавешенное окно в палату пробрались сумерки. Транс продлился гораздо дольше, чем я ожидала, и успехом не увенчался.

— Какая глупость, — пробормотала я, привычно вытирая ладонью алые капли над верхней губой.

Я — самая бездарная провидица. Ринн — один из лучших студентов-боевиков, а с ними такого не случается... И не случится.

Мои предсказания сбываются, но редко. Слишком редко, чтобы по-настоящему волноваться за чародея, который и без того отравляет мою жизнь.

Я выпила оставленный на прикроватной тумбочке отвар, остывший и оттого особенно мерзкий, легла, завернувшись в одеяло, и закрыла глаза, желая уснуть и ни о чем не думать. Но даже верный веник не сумел справиться с непрошеными мыслями, и они, просочившись в сон, наполнили его тревогой, снегом, алыми лепестками и Риннаром Шариденом.

Наутро я чувствовала себя совершенно разбитой — ни одна самая жестокая простуда не дарила мне столь незабываемых ощущений, но оставаться в белой до дурноты палате не хотелось ни единого мига, а потому на все вопросы о самочувствии я бодро заявила, что все хорошо и даже лучше, и уже через час после пробуждения была отпущена на свободу.

Погода оказалась под стать настроению: все еще полетнему теплое солнце скрылось за тяжелыми грязно-серыми тучами, из которых сыпал мелкий противный дождь. Он барабанил по едва тронутым позолотой и багрянцем листьям и, оседлав ветер, сердито стучался в окна.

Я сидела на своей кровати, куталась в старую, потерявшую форму и вид, но ставшую от этого еще более уютной шаль и мрачно жевала шоколад. Огромная плитка, разломанная на множество аккуратных долек, возлежала на блюдечке с отколотым краем, который я буравила взглядом, словно в неровном сколе заключался весь смысл бытия.

В этот миг, отравленный усталостью, головной болью и занудным дождем, я всей душой ненавидела Риннара Шаридена. За вчерашнее потрясение. За бессонную ночь. За то, что он вообще появился в моей жизни. За то, что не образумился за целое лето. За то, что сейчас я, наплевав на все запреты, зажевываю горечь обиды шоколадом!

Свиллы бы его побрали да прямиком в Ранос утащили!

— У тебя такой вид, будто ты на похоронах, — фыркнула примостившаяся рядом Ритта, ловко подцепив с блюбочка сразу три кусочка.

— Считаю, что это похороны моей фигуры, — печально вздохнула я, глядя на делящую со мной комнату подругу, которая светилась от удовольствия. Казалось, даже ее льняные кудряшки сияют, заменяя загрузившее солнышко.

Ритта, тонкая и звонкая, только рассмеялась. Еще бы — она тот же шоколад пачками есть может, и ничего ей не будет. Счастливая. А вот моя фигура до идеала, принятого в высшем свете, недотягивала, невзирая на все матушкины старания и причитания, что леди не пристало весить больше императорского гвардейца в парадном обмундировании. Я, конечно, столько и не весила, но спорить с мамой не решалась.

Впрочем, толку беспокоиться о фигуре, когда прежде всего хромало мое восприятие этого самого высшего света? Я с ужасом думала о предстоящем Девичьем бале, который по давно устоявшейся традиции проводился в день первого снега. Вряд ли мама согласится отложить это важное, по ее заверениям, мероприятие еще на один год. Значит, идти все-таки придется.

Нет, я не против балов, веселья, красивых платьев. Все это здорово и замечательно, но только не тогда, когда на тебе скрещиваются взгляды главных сплетников империи, когда тебя, ничуть не смущаясь, обсуждают, подмечая малейший недостаток и раздувая его до немислимых величин, когда злорадно комментируют каждый неверный шаг...

— Санни, Санни, ты вообще меня слышишь? — пихнула меня в бок Ритта.

— Прости? — озадаченно моргнула я, все еще пребывая под впечатлением от нарисованной в воображении картины.

— Я говорю, что все-таки повезло нам с наставницей! Никогда на произвол судьбы не бросит.

Это да. С этим я согласна. Именно ее голос я и слышала перед тем, как лишиться чувств. Мэтресса Ноллин оказалась в кабинете одновременно с деканом боевого факультета, что, по моему мнению, было крайне непредусмотрительно со стороны милорда ректора.

— У, как она кричала! — восторгалась Ритта. — Я сама слышала обещание закатать мэтра Росслина в кладку Надвратной башни!

Не сдержавшись, я фыркнула — совсем как Ритта. Или одна из отцовых лошадей... Просто представила нашу тоненькую как тростинка, невысокую наставницу против широкоплечего, высоченного декана боевых чародеев... Он ее одной рукой сломать может. Если захочет. Но мэтресса Ноллин за нас, своих подопечных, кого угодно порвать готова. И ни капельки не сомневаюсь — случись со мной что-нибудь посерьезнее, мэтру Росслину не поздоровилось бы.

— Ты подслушивала у ректорского кабинета? — выделила главное я.

— Ну... — смутилась Ритта. — Я беспокоилась о тебе!

Я лишь головой покачала. В беспокойство я, конечно, верила: Ритта девушка добрая и отзывчивая, вот только порой совершенно бестолковая. Причем бестолковость проявлялась вовсе не в учебе — уверена, что очень скоро в империи появится новое светило в области теоретической магии, — а в ее пылких чувствах к неподходящему человеку. Не подходящему именно ей, ибо во всех иных смыслах возлюбленный Ритты являл собой образец того, как в одном-единственном мужчине могут ужиться красота, острый ум, порядочность и благородство. Именно последние и делали мечту Ритты недостижимой, ибо милорд Элрой Вилорен никогда не позволял себе лишнего в отношении студенток, а когда они позволяли себе лишнее в отношении ректора, безжалостно ставились им на место. Видеть этого никто, конечно, не видел, но слухи ходили. И, пожалуй, только они удерживали Ритту от опрометчивых поступков.

— Тебе не понять! — вспыхнула она под моим укоризненным взглядом.

— Куда уж мне, — пробормотала я рассеянно и поправила сползшую с плеч шаль.

Дождь окреп, осмелел и не только крал тепло снаружи, но и тянул его изнутри; хотелось сесть у зажженного камина, обхватить озябшими ладонями полную горячего чая чашку и смотреть на огонь... От вспыхнувшего перед глазами образа, в данный момент такого недостижимого, стало еще холоднее.

— У тебя и проблем-то, кроме как с учебой, никаких нет! — не успокаивалась Ритта.

Риннара Шаридена она за проблему, конечно, не посчитала.

— И дальше собственного носа ты видеть не желаешь! — сердито закончила подруга, поймав мой скептический взгляд.

— А там есть что-то интересное? — хмуро уточнила я, отодвигая подальше блюдце с искушающим шоколадом.

Если до Девичьего бала времени оставалось предостаточно, то бал в честь нового учебного года не за горами, и будет крайне обидно не влезть в заранее сшитое, одобренное матушкой платье.

— Там есть жизнь, Санни, — хмыкнула Ритта, схватив еще одну шоколадную дольку, и указала на подоконник, где в незамысловатой вазе чахло несколько веточек желтых хризантем. — Эдгар принес. Тебе, между прочим. Он и в лечебницу приходил, но его не пустили. Ну и что ты морщишься?

И действительно, что? Русоволосый, сероглазый, немного нескладный Эдгар Милейр, теоретик-третьекурсник, был весьма милым молодым человеком. Если судить со стороны. А Ритта именно так и делала, а потому искренне недоумевала, чего мне не хватает. Но это меня, а не ее в конце лета угораздило пойти с ним на прогулку, и это я, а не она прилагала все усилия, чтобы не уснуть, увязнув в патоке рассуждений Эда о высоких магических материях. А про то, что он умудрился понравиться матушке одним только обе-

щанием проследить за моей успеваемостью, я и вовсе вспоминать не люблю. Как он намеревался это делать — другой вопрос, прояснять который я не собираюсь.

— Риннар тоже приходил, — лукаво улыбаясь, добавила Ритта. — Но ты спала, и я отказалась тебя будить. А он отказался говорить, зачем ты ему понадобилась.

У меня задрожали руки. Когда недобитый боевик жаждет с тобой встретиться, ни к чему хорошему это привести не может.

— Сань, ты чего побледнела? — забеспокоилась подруга. — Тебе плохо?

— Ри... Он меня убьет, — придушенно выдала я.

А Ритта вздохнула... и засмеялась. Я, не ожидавшая от подруги подобного поведения, взирала на нее круглыми от возмущения глазами.

— Как я и говорила, — удовлетворенно сообщила она, легонько щелкнув меня по носу, и я окончательно убедилась, что несчастная любовь лишает людей разума.

Но хоть какую-то пользу этот нелепый разговор принес — поблекшая было при упоминании ректора Ритта повеселела, ожила и на занятия убежала в приподнятом настроении. Я же, официально освобожденная от посещения лекций, осталась в одиночестве. Дождь за окном нашептывал колыбельную, тяжелая после бессонной ночи голова клонилась к подушке, но я упрямо не поддавалась. Вместо этого набрала книг и, разложив их в изножье кровати, погрузилась в чтение. В одном Ритта права — с учебной мне проблем хватает, так что проводить свободный день в лениности я просто не имею права. К тому же в забитую знаниями голову лишние мысли не лезут, что сейчас было высшим благом.

Но спор с усталостью оказался делом неблагодарным, и я все-таки уснула, не дочитав главу о математических методах прогнозирования ближайшего будущего.

И снились мне ровные ряды ощетинившихся копьями цифр; они маршировали, печатая шаг, и земля тряслась от их поступи, а ткань времени, соприкасаясь с острейшими жалами наконечников, рвалась, подобно тончайшей бумаге. Где-то там, в прорехах, сияло летнее небо, шумела неширо-

кая прозрачная река, и седобородый мужчина ласково и грустно улыбался бегущей по травяному берегу девчужке с двумя туго заплетенными рыжими косицами... Края прорех вскипали зеленым, медленно сходились и заживали... Заживали криво, смешивая небо и реку, сминая рыжую девчонку с искаженным от ужаса лицом.

Очнулась я в холодном поту, дрожащая, с пересохшим горлом. Руки не слушались, и вода из графина по большей части попала на пол, а не в стакан. Никогда бы не подумала, что это так сложно...

Наверное, я поспешила покинуть лечебницу. Неприятная слабость разливалась по телу, ощущение засасывающей пустоты, пережитое во сне, не отпускало. Усталость никуда не делась, наоборот, усилилась, будто я и не спала вовсе. И я решила сходить к мэтрессе Ноллин. Кто еще, как не она, сможет дать совет?

Возможно, небольшая прогулка пойдет на пользу, тогда и наставницу беспокоить не придется.

Одевалась быстро, путаясь в подоле и рукавах форменного платья. Непривычно непослушные пальцы не гнулись, и мелкие пуговицы стали настоящим испытанием, которое тем не менее я прошла. Скрутив волосы в узел на затылке, я остановилась перед тусклым старинным зеркалом, занимающим стену возле двери, и окинула себя придирчивым взглядом. Осунувшаяся, с синяками под лихорадочно блестящими глазами, из медово-карих ставшими какими-то желтыми; кожа бледнее обычного, и веснушки, с которыми матушка безуспешно боролась с самого моего рождения, налились просто-таки вызывающей рыжиной. Хорошо еще, что их не так уж и много... Леди вообще неприлично иметь веснушки, и несчастливым их обладательницам строго предписывалось наносить на нос толстый слой пудры. От нее, к величайшему матушкиному огорчению, у меня началось сильное раздражение кожи, и от подобных ухищрений пришлось отказаться.

В общем, леди из меня выходила исключительно неприличная, с какой стороны ни посмотри.

Показав унылому отражению язык, я переобулась в высокие ботинки, накинула легкий плащ, завязала под подбородком ленту шляпки и, прихватив одиноко стоявший в углу возле шкафа зонт, распахнула входную дверь...

И содрогнулась, услышав смачный звук удара и невнятный всхлип.

От шока, не иначе, у меня даже дар прорезался. Медленно потянув на себя створку, я уже прекрасно знала, кого увижу...

Он лежал, не подавая признаков жизни, сжимая в ладони хрупкий стебелек алой полураспустившейся розы. На лбу вспухала шишка. Выронив зонт, я упала на колени, осторожно коснулась бледных пальцев.

Холодные...

Творец всемогущий, кажется, у меня появилась нездоровая привычка убивать Шаридена!..

— Риннар? — неуверенно позвала я, больше не рискуя дотрагиваться до него.

Если рассуждать здраво, то убить боевика какой-то дверью весьма проблематично, но мне было не до рассуждений. Когда перед тобой лежит бездыханное тело, аргументы разума уже не действуют. Следовало бежать за помощью, но я и пошевелиться не могла, только смотрела на алые лепестки и чувствовала нарастающую тупую боль в висках. Казалось, что я попала в дурной сон, ведь реальность не может быть настолько нелепой, повторяющейся раз за разом, не поддающейся контролю. Не может!

Глаза противно защипало, а в следующее мгновение меня схватили за плечо и резко дернули вперед. Я не удержала равновесие и упала на Риннара, успев подумать, что не хватало еще придавить его, чтоб наверняка...

Глупая мысль мелькнула и бесследно истаяла, едва я наткнулась на откровенно издевательский взгляд темно-карих глаз.

— Далларен, ты настоящая катастрофа, — любезно сообщил Шариден, судя по расцветающей на губах улыбке, и не думающий умирать в ближайшие лет сто как минимум.

— А ты — настоящий придурок! — выпалила я зло, выпутавшись из его рук и вскочив на ноги.

— А помочь раненому? — и не думая следовать моему примеру, возмутился Риннар. Еще и голову трагически откинул, чтобы эффектнее смотрелось.

— Могу только добить, — процедила я и рванула к лестнице.

— Сандера! — понеслось мне вослед. — Подожди!

Да как же! Подхватив юбки и придерживаясь за перила, я перепрыгивала через несколько ступеней сразу, рискуя оступиться; но я бы предпочла сломать шею, чем еще раз столкнуться с этим несчастьем, неизвестно за какие грехи ниспосланным мне небесами.

Кстати, о небесах. Они продолжали горько рыдать, и, стрелой пролетев холл и ступени крыльца, я почти мгновенно вымокла. О зонте при бегстве я даже не вспомнила; впрочем, он бы не помог. Ветер крутился волчком, не в силах определиться с направлением, и тугие струи дождя хлестали со всех сторон сразу. Но самое обидное заключалось в том, что за мной никто не гнался.

Поглубже натянув шляпку, я побрела к главному корпусу. Возвращаться не рискнула — это почти наверняка означало новую встречу с Шариденом и, уже традиционно, новые же неприятности, каковых с меня на сегодня было более чем достаточно.

Свежий воздух действительно остудил голову, разогнал заполнивший ее вязкий туман, но так и не вернул душевное равновесие, и я отчаянно надеялась, что у Эреи Ноллин, не раз приходившей на помощь своим ученицам, найдется средство и от этой напасти.

ГЛАВА 2

В холле главного корпуса было непривычно тихо. Блестящий пол отражал сияние магических сфер и походил на подсвеченную солнцем озерную гладь. Высокие витражные

окна слегка мерцали, и казалось, что затейливые картинки вот-вот оживут, открывая двери в другой мир.

Напротив входа свернулась клубком крупная кошка, будто сотканная из молочного-белого плотного тумана. И едва я, мокрая и дрожащая, сделала первый шаг по идеально чистому полу, как она насторожила уши, выгнулась, сладко потягиваясь, и уставилась на меня сияющими синими глазами. Я замерла, обхватив себя руками за плечи, а кошка недовольно встряхнулась, фыркнула — и в следующий миг передо мной стояла полупрозрачная девушка, облаченная в строгое школьное платье.

— Студентка Далларен, сегодня вы освобождены от занятий, — сварливо заявила она, нахмурилась, и распущенные волосы прядь за прядью собрались в аккуратный пучок.

— Доброго дня, леди Геллея, — предельно вежливо сказала я, изобразив нечто вроде реверанса, что в промокшем платье наверняка выглядело до смешного глупо. — Мне очень нужно поговорить с мэтрессой Ноллин.

— Мэтресса Ноллин занята, — прислушавшись к чему-то, сообщила призрачная красавица и изящно прикрыла ладошкой зевок. — Возвращайтесь к себе, леди Далларен, вам нужен покой. — Она слегка пошевелила пальцами, и школьная форма, за клубившись туманом, сменилась формой лекарской. На голове появилась соответствующая шапочка, а в голосе — угрожающие нотки: — Иначе я буду вынуждена сообщить доктору Реддеру о несоблюдении вами предписанного режима.

Я тяжело вздохнула, соображая, как убедить вредного духа в том, что мне нужна именно Эрея Ноллин, а не доктор Реддер. Пока что не доктор, да. С одежды на пол капала вода, холодная, неприятная, и очень хотелось наконец-то согреться, а не стоять здесь, перед совершенной, давным-давно не испытывающей насущных потребностей живого организма девицей, которую, по слухам, даже милорд Вилорен переспорить не в силах.

— Леди Геллея, — сложив руки в молитвенном жесте, проникновенно начала я, — доктор Реддер мне не поможет.

В отличие от наставницы. Пожалуйста, пропустите меня, и я просто подожду ее в пустой аудитории.

Дух снова нахмурился, отчего по идеальному лицу прошла легкая рябь, и лекарский халат превратился в преподавательскую мантию.

— Ступайте в кабинет мэтрессы Ноллин, — после недолгого молчания повелела Геллея, изящным взмахом руки указывая и без того известное мне направление. — Я сообщу ей о вашем визите.

Девушка замерцала и пропала, а я, не сдержав вздоха облегчения, поторопилась к широкой лестнице. Оглянулась лишь однажды — чтобы убедиться, что грязные следы, оставляемые мною, тают, едва успев появиться.

Бытовая магия в университете всегда была на высоком уровне.

Поднявшись на второй этаж и подходя к знакомой двери, я готовилась к тому, что придется подождать, но створка оказалась приоткрытой, и я, постучавшись и дождавшись разрешения, вошла. Блаженное тепло окутало меня, стоило лишь перешагнуть порог, и миг высохшая одежда перестала противно липнуть к согревшемуся телу.

— Санни, ну что ты застыла? — раздался нарочито ворчливый голос наставницы. — Проходи, я заварила чай. Горячий чай со специями — лучшее средство от простуды, которую ты, чувствую, уже умудрилась заполучить.

Умудрилась, тут не поспоришь. Сняв плащ и шляпку, я оставила их на вешалке в небольшой прихожей, расправила складки на юбке и, выдохнув, шагнула в комнату. Из-за яркого света, играющего на задернутых янтарно-желтых занавесках и золотистых обоях, казалось, что она полна солнца. Большую ее часть занимали шкафы из светлого дерева; в них хранились книги, как совершенно новые, так и старинные, а труды провидцев прошлого соседствовали с работами студентов. Напротив двери, заключенные в массивный корпус, мерно тикали напольные часы. У окна на накрытом вязаной скатертью столе стоял чайник и две чашки тонкого фарфора, а еще — свежий ароматный пирог, украшенный кремом и вишнями. За столом сидела мэтресса Ноллин.

В лимонном теплом платье, накинутом на плечи белоснежном платке, с выбившимися из забранных наверх волос темно-каштановыми завитками, оттеняющими белизну кожи, она казалась девчонкой-первокурсницей, и, лишь внимательно присмотревшись, можно было заметить невесомую паутинку морщинок возле сине-зеленых глаз и затаившуюся в их глубине мудрость и усталость.

Чай был восхитительно горячим и пряным, и с каждым глотком я ощущала, что недомогание отступает. Исчезло неприятное першение в горле, и дышать стало легче. Эрея Ноллин неторопливо помешивала серебряной ложечкой чай в своей чашке и внимательно слушала мой сбивчивый рассказ. Пытаясь как можно точнее описать увиденное и прочувствованное, я путалась в словах, порой не в силах подыскать нужные, запинаясь и нервничала, но, поймав ободряющий взгляд наставницы, успокаивалась и говорила дальше.

— Санни, Санни, — покачала головой мэтресса Ноллин, едва я замолчала. — Напомни-ка мне важнейший принцип работы провидца.

Важнейших принципов на самом-то деле существовало немало, но я сразу поняла, что имеет в виду наставница, и к щекам прилила волна жара.

— Спокойное и умиротворенное состояние для вхождения в транс, — пролепетала виновато, опуская взгляд.

Ничего похожего на спокойствие я тогда не испытывала, и уже за одно это заслужила хороший выговор.

— Смятенная душа еще и не то показать способна, — вздохнула мэтресса. — Я понимаю, Санни, действительно понимаю тебя. Ты молода, эмоциональна, импульсивна... Так сложно сдержаться. Невероятно сложно, я знаю. Но надеюсь, что впредь ты будешь гораздо умнее и не нарушишь элементарных правил безопасности.

— Да, мэтресса Ноллин, — прошептала я, сгорая со стыда. Даже моя бездарность не оправдывает моего поведения! Я же знаю теорию, а правила безопасной работы выучила давным-давно и ни разу еще не забывала о них. — Но... Знает ли это, что все, мною увиденное, не сбудется?

— Не могу сказать наверняка, — разрушила робкую надежду наставница. — Твое видение сумбурно и основано на эмоциях, а не на чистом расчете, как следовало бы. Сама понимаешь, при таком раскладе определить, что верно, а что лишь игра твоего воображения, невозможно.

Я понимала, и от этого было еще горше. Как и от сочувствующего взгляда Эрей Ноллин, которая и не думала ругать меня за безответственное поведение, наоборот, еще и утешала.

— С каждым может случиться, — улынулась она. — Ты лишь учишься. Ошибки неизбежны, но это и к лучшему — они помогают усвоить материал и наглядно объясняют, для чего существуют правила и чем чревато их нарушение. Не думаешь же ты, что кто-либо обходился без ошибок?

— Риллис Гилен? — вырвалось у меня, так как мой взгляд как раз остановился на его портрете, висящем над часами.

Здесь он был совсем еще мальчишкой с рыжими вихрами непослушных волос, лукавыми карими глазами, задорной улыбкой и россыпью веснушек на тонком носу и бледных щеках. Великим чародеям ни небрежность прически, ни наличие веснушек не возбраняется... Я коснулась собственного носа и улынулась. Раньше я даже гордилась своим сходством с Гиленом. Жаль только, что оное ограничилось лишь цветом волос и золотистыми крапинками на коже.

— Риллис Гилен — всего-навсего человек, пусть и очень одаренный, — тоже взглянула на портрет наставница. — И ему пришлось до всего доходить своим умом. Логично предположить, что и ошибок он наделал гораздо больше, чем любой из студентов, имеющих возможность получить помощь преподавателей.

О таком я, признаться, даже не задумывалась. Великий чародей, основатель нашего университета, казался мне воплощением мудрости и непогрешимости. Но ведь великими чародеями не рождаются... И путь, который Гилену пришлось пройти, прежде чем достигнуть определенного успеха, наверняка розами устлан не был. Жаль, что его род прервался на нем... Немногочисленные свидетельства совре-

менников Риллиса Гилена небогаты на информацию, и биография выдающегося чародея была до обидного сухой и короткой. Официальной. И сейчас я как никогда остро понимала, что за великим, отлитым в бронзе чародеем потерялся живой человек со своими слабостями, чувствами, мечтаниями.

Предвидел ли он такое?..

— Санни, я беспокоюсь о тебе, — ворвался в мои невеселые размышления голос Эреи Ноллин. Она отставила в сторону чашку с так и не допитым чаем и с тревогой смотрела на меня. — Твое будущее... Я вижу его лишь до кануна Девичьего бала. Дальше — темнота. И ничто не рассеивает ее. Словно оно еще не определено, чего попросту не может быть.

— Не может? — растерянно переспросила я, по привычке нервно разглаживая юбку.

— Подобное существует лишь в теории. На практике лично я не сталкивалась... Даже упоминаний ни в одном источнике не видела. Не стоило говорить тебе об этом... Но я считаю своим долгом предупредить тебя о возможной опасности. Просто будь осторожнее, хорошо?

— Хорошо, — кивнула я, сжав в ладонях многострадальную ткань.

Да что же такое... Не складывается у меня с предсказаниями. То вовсе ничего не выходит, то я вижу какие-то страшные вещи, то оные предрекают мне...

Может, это знак, что стоит свернуть на другой путь, пока еще не слишком поздно? Рассеется ли тогда окутавшая мое будущее тьма — или же станет еще непрогляднее?

У мэтрессы Ноллин, пользуясь ее добротой, я провела неоправданно много времени. Она ушла на занятия, оставив меня в компании чая, пирога и улыбающегося с портрета Риллиса Гилена, и я долго сидела, погасив свет, грея руки о чашку и не решаясь покинуть теплое и уютное убежище.

Но все равно пришлось.

Дождь закончился, но солнце не спешило выглядывать из-за серых обрывков туч, и сумерки не преминули этим

воспользоваться, раньше времени укутывая землю. Лужи блестели на дорожках мертвым серебром, трава выглядела пожухлой и больной. Я медленно брела по главной аллее, стараясь ступать на сухое, и прятала озябшие руки в карманах плаща, чего воспитанным леди делать не полагается. Пальцы левой руки нервно поглаживали вышитый бисером кошель, в котором лежали три флакончика. Наставница выдала их с четким указанием: по капле из каждого на стакан воды, и так три раза в день до исчезновения тревожных симптомов. Еще она запретила мне практиковаться в ближайшие дни и убедительно попросила избегать волнений.

С последним дело обстояло хуже всего, потому как в этом вопросе от меня совершенно ничего не зависело.

Статуи сказочных существ, охраняющие аллею, серые, как и всё вокруг, казались живыми. Они провожали меня взглядами и потягивались, будто леди Геллея в излюбленном ею образе кошки, но стоило мне обернуться, как замирали в прежних позах, и лишь дорожки от небесных слез поблескивали на холодном камне в свете неохотно разгорающихся фонарей.

Темнело слишком быстро; наступающий вечер принес с собой ветер, резкий, пронизывающий, заставляющий ускорять шаг. Теперь мне чудились не только движения, но и шепотки, и от понимания, что это всего лишь мое разыгравшееся воображение, легче не становилось.

Как назло, вокруг было безлюдно. И тихо. Только со стороны Западной башни, где располагался учебный корпус боевиков и некромантов, доносились приглушенные расстоянием голоса; то ли тренировка у них, то ли гулянка, что меня вполне устраивало, — ни первое, ни второе мое личное несчастье ни за что не пропустит, а значит, шансы наткнуться на него практически равны нулю. Немного приободрившись, я посмотрела вперед и недобрым словом понянула изощренные шутки леди Удачи.

Там, прислонившись к освещенной золотым светом фонаря мраморной фее, стоял Риннар. В руках он держал мой зонт, и почему-то именно это разозлило меня больше всего.

Ноги сами свернули с аллеи на одну из тропок. Непросохшая земля жадно чавкала под ботинками, каблуки увязали в ней, с ветвей деревьев то и дело срывались скопившиеся в листьях дождевые капли, но сама мысль о том, чтобы еще раз встретиться с Шариденом, была неприятна.

Ужасный, ужасный день!

И кто бы мог подумать, что всего через несколько минут он станет еще ужаснее...

Наверное, Эрея Ноллин, советовавшая никуда не сворачивать по пути в жилой корпус.

Нездоровое оживление на аллее мне вовсе не почудилось. За мной действительно наблюдали, за мной следовали, меня изучали... Но не смели выйти под свет фонарей. Да и зачем, если глупая добыча в итоге сама сошла с безопасной дороги?

Я видела лишь более плотный, чем следовало бы, сумрак, оживший,двигающийся, перешептывающийся, но мне хватило, чтобы не дожидаться, когда то, что в нем скрывалось, дотянется до меня.

Бегала я быстро, высоких каблуков не признавала, и у меня получилось бы уйти, если бы не раскисшая от дождя земля. Я почти добралась до башни боевиков, когда нога поехала в сторону и щиколотку прострелило болью. Не упала лишь чудом, но чудо это стоило нескольких лишних мгновений, за которые то, что гналось за мной, почти достигло цели.

А ко мне меж тем спешила подмога: с десятков студентов и растрепанный мэтр Вилгош.

— Не шевелись! Сандера, замри! — крикнул он, и я даже дышать престала — на всякий случай.

Такого ужаса в голосе некроманта я еще никогда не слышала; да я вообще его испуганным не представляла... а уж то, что его испугало, и вовсе представлять не хотела.

Замерла не только я, но и парни. Нас разделяло не более десятка шагов, и я видела их бледные, растерянные лица. Парни сжимали кулаки, явно желая действовать, но не зная, что именно предпринять и не станет ли от этого хуже. В первую очередь — мне. Я чувствовала, что за спиной что-то

есть. Слышала тяжелое, неестественное дыхание. И до боли впивалась ногтями в ладони, чтобы только не обернуться.

Гереон Вилгош, пристально глядя через мое плечо, очень медленно поднял руку. Позади утробно зарычало, и некромант застыл.

— Мэтр, — почти беззвучно всхлипнула я, когда что-то скользкое и холодное коснулось моей левой ладони.

— Без паники, Сандера, — напряженно отозвался он. — Просто не двигайся. Я сейчас...

Нечто противное скользнуло по руке вверх, и не двигаться оказалось не так уж и просто. Я держалась из последних сил, сжимая зубы, но меня уже трясло от страха и отвращения. Обострившийся слух уловил шорох шагов; кто-то из боевиков дернулся вперед, и, реагируя на движение, тварь навалилась мне на плечи, впиваясь острейшими зубами в руку чуть повыше локтя. В следующий же миг она тонко завопила, выпуская меня, и я оказалась на земле, прижатая чем-то... кем-то. Теплым, отрывисто дышащим и тихо ругающимся. А над нами плелась колдовская сеть, и попавшее в нее чудовище выло и пыталось вырваться. К счастью, безуспешно — от мэтра Вилгоша, по словам его студентов, еще никто не уходил.

— Санни, жива? Да не молчи же ты, Далларен, ну же, открой глаза! — Меня обхватили за плечи и, приподняв, хорошенько потрясли.

— Ж-жива, — пробормотала я, отбиваясь от попыток Шаридена привести меня в чувство. — Убери руки!

— С ней все в порядке, — хмыкнул Риннар.

— Не сказал бы, — нахмурился бледный как призрак мэтр Вилгош.

Я бы тоже не сказала. Глаза застилал туман, было невыносимо холодно, а руку я и вовсе не чувствовала и сильно сомневалась, что она у меня все еще есть, но уточнить, так ли это, боялась.

— Сандера, не спи, — приказал некромант, хлопнув в ладоши перед моим лицом. — Не спи, слышишь? Ринн, проследи. — И крикнул в сторону: — Да где Гэра свиллы носят?! Его только за смертью посылать, а не за доктором...

— Далларен, посмотри на меня, — словно издалека донесся голос Риннара.

— Не хочу, — вяло огрызнулась я.

Не спи. Легко сказать! Меня уносило прочь от страха, боли и прочих ужасов реального мира, и противиться этому не было ни сил, ни желания.

— А придется, — вздохнул один из ужасов и ущипнул меня за плечо.

Я вскрикнула, рывком возвращаясь из сладкого дурмана небытия, и неожиданно даже для себя расплакалась. Беззвучно, глотая ручьем текущие слезы. От усталости, боли, обиды, навалившихся как-то сразу. И от виноватого тона Риннара становилось только хуже.

— Санни, не реви. Все будет хорошо... Сейчас придет доктор Реддер и вытянет из тебя эту дрянь... Санни? Ну посмотри на меня... Хорошо. Вот так. Не плачь. Я не хотел тебя обидеть. Тебе просто нельзя спать. Если уснешь, то навечно. Санни? Санни! Мэтр Вилгош, она глаза не открывает!..

— Ахха, — задумчиво сказал кто-то, и я распахнула глаза, задыхаясь от чистой силы, омывшей тело.

Доктор Реддер, почтенный сухонький старичок в неизменном строгом костюме, взирал на меня полным любопытства взглядом.

— Туманный змей, значит, покусал? — протянул он и опустил на колени, не обращая внимания на грязь. — Ахха. Ну ничего, ничего, девочка... Милорд Вилорен этих олухов куда сильнее покусает...

Студенты, сгрудившиеся неподалеку, дружно побелели. Риннар, по-прежнему удерживающий меня в сидячем положении, одобрительно усмехнулся.

Доктор, не церемонясь, разрезал рукав плаща, а затем и платья, чтобы добраться до раны, и ощупал ее длинными чуткими пальцами.

— Ахха, — многозначительно проронил он и потер ладони. — Будет больно.

— Если у нее отпадет рука, будет еще больнее, — с присущим ему тактом хмыкнул мэтр Вилгош. — Риннар, справишься?

Горячая ладонь сжала мою холодную, и у меня не нашлось сил вырваться.

— Не пыхти, Далларен, — в излюбленной манере своего наставника сказал Риннар. — Так будет легче, я заберу часть боли. И вот еще... — Он положил на мои колени мой же зонт.

— З-зачем он мне? — отбивая зубами дробь, спросила я.

— Можешь потом меня им стукнуть. Если тебе от этого легче станет, — пожал плечами боевик. — А пока закрой глаза и держись.

Станет. Определенно станет. Я крепко зажмурилась, вцепившись в его ладонь, и от сладости мыслей о предстоящей мести почти не ощущала обещанной доктором боли. По крайней мере, другого объяснения этому я не видела: в то, что Риннар забрал гораздо больше, чем следовало, совершенно не верилось.

— Как романтично!

Я мрачно посмотрела на Ритту. Подруга сидела за заваленным бумагами и книгами столом, вертела в руках остро заточенный карандаш и мечтательно улыбалась.

— Нет, и правда, Санни, — игнорируя мое недовольное сопение, продолжала она, — от зависти к тебе недобрая половина девиц зачахнет...

Я повыше подтянула одеяло и в который уже раз потрогала левую руку. Не отпала, хвала Творцу и всем младшим богам, и даже чувствительность не потеряла, чего так опасался доктор Реддер. В общем и целом все закончилось благополучно, но поводов для зависти я в упор не замечала. Зато для размышления оных имелось слишком много...

Никогда не задумывалась, что на территории университета может быть опасно. Как и о том, что студенты-боевики опасны сами по себе. Очень надеюсь, что туманного змея выпустили по нелепой случайности, а не намеренно. Но в любом случае виноватым придется несладко... А мне просто невероятно повезло — рядом оказался мэтр Вилгош.

И Риннар.

Непреодоляющая головная боль, подкинувшая новую загадку.

В том, что Ринн спас меня, не было ничего странного — не злодей же он в самом деле. А вот его поведение... Оно настораживало. Никаких язвительных выпадов, попыток разозлить, насмешек... Честно, я их ждала. И, не дождавшись, сильно удивилась и растерялась.

Даже зонтиком не воспользовалась.

— Тут все просто, — хихикнула Ритта, с которой я, не выдержав, поделилась терзавшими меня сомнениями. — Удар по голове пошел Риннару на пользу.

— Не уверена, что удар по голове может пойти на пользу, — пробормотала я. — Скорее уж во вред... А если у него там что-то нужное окончательно отвалилось?

— А если, наоборот, на место встало? — приподняла брови подруга. — Санни, не страдай ерундой. Если в результате Шариден от тебя отстанет, этому можно только порадоваться.

Пока что я радовалась тому, что жива и относительно здорова. А что касается остального... Ритта права. Не стоит искать проблемы там, где их скорее всего и вовсе никогда не существовало.

А вот прописанный доктором постельный режим не радовал, но он был альтернативой заключению в палату, под строгий надзор, и потому пришлось с ним смириться. А его соблюдение неплохо обеспечивало страх перед внезапным — как всегда — явлением леди Геллеи. Она уже дважды материализовывалась посреди комнаты, окидывала меня, покорно возлежащую на подушках, недоверчивым взглядом и, помахивая пушистым хвостом, весьма неожиданным в человеческом облике, растворялась в воздухе. Ритта тихонько ругалась себе под нос и обещала пожаловаться на нее лично милорду Вилорену, но, как и я, прекрасно знала, что леди Геллея в качестве повода явиться пред светлые очи ректора совершенно никуда не годится. Жаловаться на капризы погоды и то эффективнее, чем на призрачную девицу. Она называла себя душой университета и свято верила, что имеет право вмешиваться во все его дела, а студенты, несомненно, являлись важнейшим делом университета и, как следствие, самой леди Геллеи.